

ЖЕСТОКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Работа выполнена при поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»

Рассматривается жестокое отношение к детям в эпоху Средневековья в Западной Европе и на Руси. В означенный период сложился определенный стереотип отношения к ребенку, который можно определить как «небрежение», в семье царили деспотические порядки, жестокие методы воспитания считались нормой. Автор предпринял попытку реконструировать изменения поведенческого кода средневековых людей в отношении жестокости.

Ключевые слова: жестокость; дети; Средневековье.

Детство – традиционный и один из наиболее важных предметов социально-антропологического изучения культур прошлого и настоящего. Оно представляет собой проблему, решение которой лежит в сфере междисциплинарных исследований. Современное отношение к детям и потомству со стороны взрослых декларируется как отношение, пронизанное любовью и бескорыстием. Прецеденты, противоречащие этому, вызывают недоумение, неодобрение и осуждение социума. В современном обществе господствуют идеи детоцентризма и индивидуализма, ценности и неповторимости каждой детской души. Но всегда ли было так? Всегда ли понятия «ребенок» и «детство» имели тот смысл, который мы вкладываем в них сегодня? Как свидетельствуют исследования антропологов и археологов, у первобытного человека и у современных людей отсутствуют отличия биологического характера. Различия в жизни древних и современных людей наблюдаются на социальном уровне.

Детство – это период жизни человека, продолжающийся от рождения до начала активного полового созревания, формирования мировоззрения и появления возможностей выполнения общественно необходимой деятельности, подверженной самоконтролю и ответственности [1. С. 100]. Для историков очевидно, что феномен детства в разных культурах имел различное историко-психологическое содержание. В данной статье предпринята попытка рассмотреть отношение к детям в Западной Европе и выявить причины исторического своеобразия отношения взрослых к своим чадам, которое мы постараемся обозначить в ходе сравнения детства в Западной Европе и в России.

Рассмотрим понятие «жестокость». Во-первых, его используют при описании и определении таких действий и поступков, которые с точки зрения современного человека считаются негативными, т.е. грубыми, негуманными, противоестественными. В повседневной жизни они ассоциируются с примитивными религиозными культами, проявлением необузданных страстей, состояниями «затмения рассудка», с насильственными беззаконными действиями властей или людей, с попранием правосудия. Во-вторых, понятие «жестокость» выступает как этическая и социальная характеристика в ситуации, когда обвиняют одних, оправдывают других, оскорбляют третьих [2. С. 238].

В эпоху варварства и рыцарства жестокость была органично присуща членам общества. Для зулуса снять скальп с врага и съесть его голову – высшая доблесть. Отголоски архаической жестокости можно обнаружить в западноевропейской средневековой литературе.

В «Песни о Нибелунгах» описан архаический ритуал, когда победитель пьет кровь противника: «Поняв, что был их другу совет разумный дан, / Пить кровь бургунды стали у мертвецов из ран, / И это столько силы прибавило бойцам, / Что отняли они потом друзей у многих дам» [3. С. 233]. Впрочем, Фрезер в ставшей классической «Золотой ветви» приводит множество аналогичных примеров. В данной работе мы будем исходить из того, что жестокость – это поведение, переходящее за рамки применения силы в тех масштабах, которые ставят под вопрос жизнеспособность социальной системы.

Чтобы понять поведение взрослых по отношению к ребенку в Средние века, попробуем для начала разобраться во взглядах средневекового человека на детство. Средневековье унаследовало весьма противоречивые установки в отношении детства. Как пишет Д. Хёркли в работе «Средневековые дети», все народы, входившие в Римскую империю, исключая евреев, допускали детоубийство в случаях рождения больных или излишних детей. Отец в римской семье имел право отказать новорожденному в акте *susceptio*, принятия его в семью, и тем самым обрекал его на смерть. Однако автор отмечает, что древние заботились о воспитании детей, которое было очень суровым [4. С. 259].

Установки варваров в отношении детства, казалось бы, были иными. Германцы, по словам Тацита, детей не умерщвляют; они любят, чтобы их было много, но не уделяют внимания их воспитанию, и лишь на пороге возмужания мальчик приобретал ценность для общества воинов. Тарифы вергельдов в варварских «правах» свидетельствуют о том, что жизнь взрослого человека, в особенности мужчины, ценилась несравненно выше жизни ребенка или старика. В Скандинавии был широко известен обычай, когда всякий желающий мог сделать с ребенком, вынесенным бондом (хозяином) из дома, все, что хочет. Это судьба детей, «обреченных на могилу». Большая бедность скандинавского мира вызвала к жизни традицию, которую не упоминают авторы в отношении германцев.

В Средние века к детям относились иначе, чем в Новое время, что, как читаем в статье «Ребенок в раннее Средневековье» Пьера Рише, характеризовалось общей нелюбовью к ним (хотя это утверждение представляется автору данной статьи спорным). В подтверждение этого тезиса П. Рише приводит данные о том, что многие мужчины и женщины отказывались иметь детей, видя в них лишь обузу. В этой связи автор обращает внимание на многочисленные указания ранне-средневековых памятников об использовании противо-

зачаточных средств (например, «дурного питья», предотвращавшего беременность), об абортгах, убийствах и подкидывании новорожденных [3. С. 284].

В период Средневековья присутствовал определенный стереотип отношения к ребенку. Своеобразие поведенческой модели взрослых того времени состояло не в том, что люди были лишены родительских чувств, но в их специфике: пылкая любовь к детям совмещалась с фатализмом, смирением перед судьбой, пассивностью в преодолении беды, грозившей ребенку. Во многом это было связано с неразвитостью рационально-интеллектуального инструментария сознания человека Средневековья, с узостью духовного мира, обусловивших непонимание специфики детского поведения, в частности физических и психологических особенностей детства и отрочества. Известное значение имело также то обстоятельство, что при частых родах и не менее частых детских смертях родители не всегда успевали привязаться к новорожденному, ощутить его продолжением собственного «Я». Так, Трувер Марешаль пишет, что «у него хватит сил «напечь» еще сыновей, если кто-либо из них падет жертвой вероломства» [5. С. 78], т.е. смерть ребенка не была бы большим горем в жизни автора.

Описание детства мало занимало русских летописцев. Слова, обозначающие подрастающее поколение, встречаются в «Повести временных лет» в десять раз реже, чем существительные, относящиеся к взрослым мужчинам. Термины, которые употребляли взрослые по отношению к детям, выявляют стилистику сознания. «Отрок» буквально значило «неговорящий», т.е. «не имеющий права речи, права голоса в жизни рода или племени».

О «небрежении» к детям в средневековой Руси свидетельствуют предписания священнослужителей («недолго плакати по мертвым» детям), а также законы, в которых приводятся факты продажи детей в «одерень» (в полное бессрочное пользование) приезжим гостям. Еще один пример – продажа детей, о которой рассказывается в «Моление Даниила Заточника»: на вопрос о причине такого поступка отец ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут» [6. С. 112].

Одним из первых историко-психологическую природу такого небрежения к детям отметил Ллойд Демоз, который в работе «Психистория» приводит периодизацию типов отношения родителей и детей в истории. Отметим, что его теория не работает вне широкого социокультурного контекста, учитывающего специфику исторического и экономического развития, географический фактор, исторически наработанные ценностные ориентации культуры. Исходя из этого, данную периодизацию вряд ли можно применить с одинаковым успехом и к Западной Европе, и к России. Возможности историко-культурного редактирования инструментария Демоза дает разработанная в рамках томской методолого-историографической школы технология анализа бессознательного [7. С. 184–193; 8].

Накопленный наукой материал историко-культурного характера позволяет говорить о том, что социально-психологическая структура личности Средневековья носила авторитарный характер с выраженными

невротичными чертами, что прозрачно выявляет картина тогдашних воспитательных практик. Побои, причинение боли – главные элементы жестоких, по меркам нашего представления, практик воспитания. Так, например, в «Счете жизни» Дж. Конверсини да Равенна можно найти множество описаний жестокого метода обучения детей. Джованни проходил обучение в школе Филиппино да Луга, в которую его отправил отец. Автор с содроганием вспоминает случай с восьмилетним мальчиком, который учился вместе с ним: «Молчу о том, как учитель бил и пинал малыша. Когда однажды тот не сумел рассказать стих псалма, Филиппино высек его так, что потекла кровь, и между тем, как мальчик отчаянно вопил, он его со связанными ногами, голого подвесил до уровня воды в колодце... Хотя приближался праздник блаженного Мартина, он [Филиппино] упорно не желал отменить наказание вплоть до окончания завтрака». В итоге мальчик был извлечен из колодца полуживой от ран и холода, «бледный перед лицом близкой смерти» [9. С. 103]. А в «Домострое» рекомендовали делать так: «...не ослабляй, бия младенца: аще бо жезлом биеша его, не умрет, но здравие будет... Любя же сына своего, учащай ему раны...» [10. С. 267].

Деспотические порядки, царившие в семье, не могли не сказаться на положении детей. Мать Феодосия Печерского, как неоднократно подчеркивал автор «Жития», именно насильственными методами пыталась влиять на сына. Она избивала его (даже ногами) до тех пор, пока буквально не падала от усталости, заковывала его в кандалы и т.д. Психология «Домостроя» прочно укоренилась в быту широких масс и отразилась в большом числе русских поговорок и пословиц: «Хто не слухае тата, той послухае ката (т.е. кнута)»; «Дыгыну люби, якь душу, а тряси якь грушу»; «Родительские побои дають здоровье» и др. [11. С. 8–13].

Родительская суровость была не равнодушием и не пренебрежением, как считает Р. Фосье, она имела историко-психологический характер, рационализированный в религиозных терминах. Если ребенок провинился, его нужно наказывать, часто жестоко; если он плачет, значит, в него вселился злой дух – ребенок будет бит. Такая строгость была отнюдь не пережитком отцовского всемогущества древних времен, а формой служения Господу [12. С. 54].

Отец в средневековой семье обладал широкими правами, например, правом продавать и закладывать детей. Исторические памятники немецкого средневекового законодательства утверждают за отцами право продавать детей в крайних случаях, во время голода, лишь с некоторыми ограничениями в пользу продаваемых. «Швабское зеркало» говорит, что отец во время нужды может по праву продать своих детей, но не в дом публичных женщин и не для убийства. В саксонских городах закон предоставлял отцу право во время голода продавать и закладывать детей, но так, чтобы не было при этом опасности для их жизни и притеснения религиозных верований.

Славянские памятники тоже свидетельствуют, что во время голода 1230 и 1231 гг. родители продавали детей в рабство: «и даяху отцы дети своих одьрень, изь хлеба, гостьмь» [13. С. 168]. Другие памятники древнего русского права свидетельствуют о том, что отец (родители) сво-

бодно распоряжался свободой своих детей не только во время голода. По Уложению родители могли отдавать детей в работу, на урочные годы, а по Судебнику Ивана IV – и в холопство.

Итак, период детства у средневекового человека вряд ли вызывал приятные воспоминания. То, что подчас ребенка рано отрывали от семьи и воспитывали довольно жесткими методами, не могло не отразиться на его психике. В период детства у ребенка в большинстве случаев не формировалось чувство базисного доверия, которое является основополагающей предпосылкой ментальной устойчивости. Такова одна из центральных идей концепции идентичности Э. Эриксона. Лишение материнской заботы, отлучение от близких фигур, равно как и обделенность родительской любовью, не могут не сказаться на «радикальном снижении чувства базисного доверия» и не отразиться на характере отношений с миром уже взрослой личности [14. С. 106–114].

Порог доверительной интимности отношений близких в семье в ту эпоху был значительно ниже, чем сегодня. Это формировало психологическую почву для воспроизводства самой структуры авторитарного характера Средневековья, где отношения строились на долженствовании, безоговорочности авторитета старшего в роде, семье. Параллель подобному коду поведения ребенка – родителя весьма аргументированно показал П. Киньяр на античном материале, что свидетельствует о его укорененности в древних обществах. При всей схожести данных практик в древних обществах их последующая эволюция в разных условиях исторического бытования, как представляется, обуславливала различия на последующих этапах исторического роста.

Обращает на себя внимание факт, что картина отношения к детям в Западной Европе была иной. Если на ранних этапах в некоторых странах (например, Скандинавии) существовали дети, «обреченные на могилу», и были распространены примеры небрежения

взрослых по отношению к детям, то позже мы видим ростки интимности в разных срезам. К примеру, в сочинении Гвиберта Ножанского «Монодии» автор рассказывает про свое обучение: «...он [учитель] осыпал меня почти каждый день градом пощечин и пинков, чтобы заставить силою понять то, что он никак не мог растолковать сам». Примечателен факт осознания Гвибертом Ножанским несправедливости и бесполезности такого поведения учителя, хотя автор считает, что польза от занятий была. И если далее прочертить опорную линию макроисторического рисунка феномена детства в Западной Европе, то косвенными признаками, свидетельствующими об изменении эмоциональной атмосферы в семье, можно считать обилие найденного при археологических раскопках детских игрушек, использование с XII–XIII вв. специальных детских люлек [15. С. 91]. Монтень в очерке о детях пишет, что его отец так был добр, что нанял музыканта, каждое утро будившего его звуками музыки, чтобы услаждать нежный детский слух [16. С. 204].

Так в Европе появляются новые практики поведения по отношению к ребенку (причем в России мы не наблюдаем таких изменений). Как объяснить этот особый динамизм изменения отношения к детству, равно как и самой авторитарной структуры сознания личности на западноевропейской почве? Чем было обусловлено более архаичное отношение к ребенку в средневековой Руси? Можно предположить, что более ранняя трансформация авторитарной структуры сознания связана с более динамичным развитием Западной Европы, которая получила «античную прививку». Достаточно быстрый рост товарно-денежных отношений способствовал расцвету городов, укреплению бюргерства. Произошел рост индивидуального самосознания человека, изменились эмоциональная атмосфера в семье и поведение взрослых по отношению к ребенку. Следовательно, произошло постепенное изживание жестокого отношения к детям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бесчастная А.А.* Детство: история и современность. СПб. : Нестор-История, 2007.
2. *Уварова Т.Б., Эман И.Е.* Жестокость. Политика жестокости в Античность и Средневековье (Реферативный обзор) // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. М., 1998.
3. *Песнь о Нибелунгах.* Л. : Наука, 1972.
4. *Хёркли Д.* Средневековые дети // Культура и общество в Средние века: методология и методика зарубежных исследований : реферативный сборник. М., 1982.
5. *Бессмертный Ю.Л.* Риторика рыцарской скорби по данным англо-французской литературы XII–XIII вв. // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени) / под общ. ред. Ю. Бессмертного, О.Г. Эксле. М., 2000.
6. *Древнерусские повести.* Пермь : Кн. изд-во, 1991.
7. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века : курс лекций. Вып. 3 : Историографическая революция. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008.
8. *Николаева И.Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификации в истории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.
9. *Память детства.* Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III–XVI вв.). М. : Изд-во УРАО, 2001.
10. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М. : Аспект-Пресс, 1998.
11. *Кузнецов Я.О.* Родители и дети по народным пословицам и поговоркам. М., 1911.
12. *Фосье Р.* Люди Средневековья / пер. с фр. А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова, И.А. Эгипти. СПб. : Евразия, 2010.
13. *Штлелевский С.* Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.
14. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
15. *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М. : Наука, 1991.
16. *Монтень М.* Опыты. Избранные главы. М. : Правда, 1991.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 апреля 2011 г.